

А.В. Урманов
A.V. Urmanov

**«...ГОЛОВА КРУЖИТСЯ ОТ ВОСТОРГА»:
А.П. Чехов на Амуре
«...MY HEAD IS SPINNING WITH DELIGHT»
(A. Chekhov on the Amur)**

Александр Васильевич Урманов – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы Благовещенского государственного педагогического университета.

Aleksandr Vasil'evich Urmanov – Doctor of Philology, Professor, Chair of the Department of Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University. E-mail: a.v.urmanov@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена поездке А.П. Чехова по Амуре летом 1890 года, его дорожным впечатлениям, отразившимся в письмах и книге «Остров Сахалин».

Summary. The article is devoted to Chekhov's journey along the Amur River in the summer of 1890 and his travel experience, fixed in the letters and «Ostrov Sakhalin» («The Island of Sakhalin»)

Ключевые слова: Литературное краеведение, литература Приамурья, А. Чехов, письма, «Остров Сахалин».

Key words: Literary regional study, the literature of the Amur region, Anton Chekhov, letters, «Ostrov Sakhalin» («The Island of Sakhalin»).

УДК 82-3

Главным результатом поездки А.П. Чехова на Сахалин стала книга «Остров Сахалин», опубликованная в журнале «Русская мысль» в 1893–1894 гг., а отдельным изданием вышедшая в 1895-м. И хотя Чехов писал А.С. Суворину 9 марта 1890 г.: «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит для этого ни знаний, ни времени, ни претензий» [6, с. 31], скептический прогноз писателя, к счастью, не оправдался: и само это событие – поездка, и книга оказали беспрецедентное по силе и продолжительности воздействие не только на российское общественное мнение, но и на литературный процесс – задав (или, по меньшей мере, усилив) вектор на сближение в русской литературе документальности и художественности, актуализировав проблему жанрового синтеза, а кроме того, заставив переосмыслить представления о гражданской миссии писателя, о смысле и сути литературного творчества. Влияние «Острова...» испытали на себе не только многие современники Чехова, но и писатели XX века, в частности, А.И. Солженицын – автор «опыта художественного исследования» «Архипелаг ГУЛАГ» (в котором, кстати, немало ссылок на книгу о каторжном острове).

Поездка Чехова на Сахалин и его книга прямо или опосредованно оказали влияние и на писателей Приамурья. И речь не только о литераторах, находившихся в Амурской области на положении «вольных» ссыльных, но и о тех, кого не заподозришь в симпатиях к революционно-демократическим идеям. Основатель литературного краеведения Приамурья А.В. Лосев обращал внимание, что с книгой «Остров Сахалин» перекликаются даже стихотворения офицера Амурского казачьего войска Леонида Петровича Волкова (1870–1900) – поэта, придерживавшегося монархических убеждений. Литературовед высказывал предположение, что большое стихотворение «Дознание» («Каторжник я беглый, – это точно, барин... / Прошлою весною с Усури бежал... / Родом из Самары, мой отец татарин, / Сам же я в Казани мылом торговал...») [3, с.114–115], даже если в основе его лежит подлинный факт, могло явиться отголоском впечатлений и чувств, вызванных чеховским описанием сахалинской каторги [2, с. 42]. О факте знакомства Л. Волкова с книгой Чехова можно судить ещё по одному его стихотворению – «На Дальнем Востоке» (1896):

<...> Ветер ревьёт с океана...
Смутно сквозь полог тумана
Виден вдали Сахалин –
Остров цепей и изгнания,
Остров людского страданья,
Буйных ветров властелин.
Дик он природой угрюмой,
Полон тяжёлою думой,

Хмурым глядит стариком,
Точно его заклемила
Каторги тёмная сила
Вечным железным клеймом [3, с. 159].

Влияние автора книги «Остров Сахалин» на писателей Приамурья – тема, требующая своего исследователя.

Говоря о чрезвычайной значимости этого произведения Чехова, в то же время нельзя сводить смысл наполненного разного рода впечатлениями путешествия, продолжавшегося более 7 месяцев (с 21 апреля по 1 декабря 1890 г.), лишь к его сахалинскому отрезку (11 июля – 13 сентября). Распространённая точка зрения, что протяжённый путь до Сахалина был всего лишь движением к цели, перемещением в пространстве, цель и смысл которого – совершение некоей миссии там, несправедлива. Считать, что никакого самостоятельного, самоценного значения в занявшем немало времени путешествии писателя по России не было – глубокое заблуждение. Путь тридцатилетнего писателя пролегал через обширные пространства Сибири, Забайкалья и Приамурья, и на каждом этапе Чехов заинтересованно отзывался на то, что видел перед собой. То, что он наблюдал по пути, зачастую волновало, затрагивало его не меньше, чем сахалинская каторга, чем положение островных каторжников.

Сильное впечатление на писателя произвело плавание на пароходах «Ермак» и «Муравьёв» по Шилке и Амуру от Сретенска до Николаевска (с остановкой в Благовещенске), о чём свидетельствует и книга «Остров Сахалин», и два письма, отправленные из административного центра Амурской области. Первое, датированное 23–26 июня 1890 г., адресовано родным [6, с. 123–126], второе, от 27 июня, – Алексею Сергеевичу Суворину, издателю «Нового времени» [6, с. 126–128]. Второе письмо без купюр впервые было опубликовано О.Ф. Федотовой [4].

Встречается и ещё одна крайность: представлять пребывание Чехова в Благовещенске лишь в бытовой, приземлённой плоскости, обращая внимание почти исключительно на то, где он мог отобедать или искупаться, какие магазины посетить, кого лечил, с кем и как проводил досуг [1, 4]. Это, конечно, интересно и важно, но замыкаться на этом, тем более ставить это во главу угла – значит, не понимать ни смысла поездки Чехова, ни образа и направленности его интересов и мыслей, ни того, чем он жил и дышал, находясь в Приамурском крае.

Если даже судить только по упомянутым письмам, писатель чутко вслушивался и внимательно всматривался в те процессы, которые происходили на дальневосточной окраине России, ибо историческая молодость края и особенно удалённость его от властного центра, от господствующей в государстве идеологии, от тайной полиции, в определённом смысле, «раскрепощали» поселенцев, острее и отчётливее проявляли в них то, что в Центральной России было либо придавлено, либо заслонено официозом, традиционным укладом, общинной моралью и круговой порукой, устоявшимися обычаями. Здесь русский человек открывался по-новому, поворачивался новыми гранями, ставя под сомнение сложившиеся представления о нём, о структуре его личности, опрокидывая устоявшиеся мифы. А это позволяло судить о том, что ждёт Россию в ближайшем историческом будущем.

То, что Чехов увидел собственными глазами, то, о чём ему рассказывали попутчики, заставляло, например, усомниться в подлинной религиозности народа. Полученный на Амуре личный опыт свидетельствовал: у значительной части местного населения нет живого религиозного чувства, вера часто сводится к ритуалу, да и тот не всегда исполняется. В упомянутом письме к родным Чехов обращает внимание на то, что жители сёл и станиц, расположенных по берегам Шилки, а также в верхнем течении Амура, «не исполняют постов и едят мясо даже в Страстную неделю; девки курят папиросы, а старухи трубки – это так принято». А позже, уже в книге «Остров Сахалин», рассказывая о плавании по нижнему Амуру, Чехов вновь обращается к волнующей его теме: «В отношении религиозном и политическом я замечал здесь полнейшее равнодушие. Священники, которых я видел на Амуре, едят в пост скоромное, и, между прочим, про одного из них, в белом шёлковом кафтане, мне рассказывали, что он занимается золотым хищничеством, соперничая со своими духовными чадами» [5, с. 42].

Писатель обращает внимание и на то, что главной темой разговоров на Амуре, как и вожделенной, даже не скрываемой целью многих жителей дальневосточной окраины является золото, стремление к богатству, жажда наживы. Устанавливающиеся на Амуре в качестве господствующих законы «дикого капитализма», их воздействие на нравы местных обитателей, на их сознание и образ жизни Чехова явно не радовали. В цитированном выше письме к родным он

изумляется: «Какие странные разговоры! Только и говорят о золоте, о приисках <...>. В Покровской всякий мужик и даже поп добывают золото. Этим же занимаются и поселенцы <...>». В письме к А.С. Суворину аналогичное наблюдение в ещё большей степени проявляет неприятие писателя: «Только и разговора, что о золоте. Золото, золото и больше ничего». Чехова смущает не столько тема разговоров, сколько то, что она нередко заслоняет всё иное, что золотой телец застит людям глаза, превращая их в стяжателей, хищников.

В литературе, особенно относящейся к советскому периоду, можно встретить высказывания, что Чехов представляет Приамурье в нелестном свете, что он якобы акцентирует внимание на «отсталости» и «нерусскости» края. В качестве доказательства обычно приводится следующий фрагмент книги «Остров Сахалин» (отразивший безрадостные впечатления от пребывания в Николаевске): «...Боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Начиная с балыка из кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всём чувствуется что-то своё, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; <...> мне всё время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами» [5, с. 42]. Но даже это суждение, вырванное из контекста других многочисленных высказываний писателя о Приамурье, не столь однозначно, как порой трактуется. «Непохожесть», о которой Чехов часто пишет, сравнивая Дальний Восток с Центральной Россией, не понимается им всегда как доказательство безусловного преимущества центра перед окраиной. Чтобы в этом убедиться, можно процитировать близкие по смыслу фрагменты из писем Чехова. Обращаясь к Суворину, он, в частности, пишет: «Люди на Амуре оригинальные, жизнь интересная, не похожая на нашу. <...> Я в Амур влюблён; охотно бы пожил на нём года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России». Здесь, в приведённом выше высказывании, не ощущается сожалений писателя, что люди и в целом жизнь на Амуре не укладываются в общероссийские стандарты. Эта «непохожесть» Чехова скорее радуется, чем огорчает. Это же настроение отчётливо проступает в письме родным: «Амур чрезвычайно интересный край. До чёртиков оригинален. Жизнь тут кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют. Она, т.е. эта жизнь, напоминает мне рассказы из американской жизни».

Но главное, в чём Приамурский край выигрывает в сравнении с центром – царящий здесь дух свободы: «На пароходе воздух накаляется докрасна от разговоров. Здесь не боятся говорить громко. Арестовывать здесь некому и ссылать некуда, либеральничай сколько влезет. Народ всё больше независимый, самостоятельный и с логикой. <...>. Доносы не приняты. Бежавший политический свободно может проехать на пароходе до океана, не боясь, что его выдаст капитан» (из письма к родным). Чехов объяснял это «полным равнодушием ко всему, что творится в России»: «Каждый говорит: какое мне дело?» Но причины такой индифферентности объясняются не только внутренними свойствами амурцев, но и их реакцией на равнодушие официальной России к тому, чем и как живёт население края: «По Амуру живёт очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре» (из письма А.С. Суворину).

Некоторые усматривают в словах Чехова о торжестве «либерализма» на Амуре налёт иронии; однако, даже если она и есть, в гораздо большей степени здесь присутствует элемент полемичности по отношению к Центральной России, к тем порядкам, которые там существуют, к царящему там духу казённости, чиновничества, полицейщины. К моменту появления Чехова на Амуре, действительно, туда ещё не успел проникнуть дух рабства – мертвящий дух чиновничьей России. Амурская область в то время не являлась местом ссылки и тем более каторги. «Политические» жили здесь на вольном поселении, «политический сыск» практически отсутствовал: на всём Дальнем Востоке не было ни одного жандармского управления или даже розыскного пункта (в Благовещенске и Хабаровске они появятся значительно позже – в 1906 г.).

Необыкновенное, пьянящее ощущение свободы – едва ли не самое важное и сильное ощущение, испытанное писателем во время плавания по Амуру. И речь не столько о чувстве, которое рождалось при созерцании необозримых просторов края, сколько именно о царящем здесь духе, об атмосфере, в которой живут населяющие эти земли люди. Именно эта свобода, по мнению писателя, демонстрировала направленность устремлений русских людей, пробуждала в них огромный творческий, созидательный потенциал, раскрепощала их энергию, но одновременно проявляла все их духовные и моральные изъяны. Именно это заставляло Чехова с обострённым

вниманием вглядываться в то, что происходило на Амуре. Амур в представлении писателя был той самой ретортой, в которой зарождалось, созревало и проявляло себя будущее России. И свои надежды на это будущее писатель связывал, прежде всего, со свободой – социальной, духовной, экономической. Выход России к Тихому океану знаменовал, в представлении писателя, её сближение – и пространственное, геополитическое, и социально-экономическое, и ментальное, сущностное – с Америкой (не случайно он так часто сравнивает с нею Приамурье и в письмах, и в книге «Остров Сахалин»). Это чаемое им сближение, в основе которого общность идеалов свободы, виделось Чехову в контексте его размышлений о будущем не только дальневосточной окраины, не только России в целом, но и всей мировой цивилизации.

Переживаемое писателем во время плавания по Амuru чувство свободы заставляло его вспоминать дух несвободы, которым была пропитана вся оставшаяся за его спиной российская жизнь с её социальным неравенством, чиновничьим, засильем полицейских порядков и казённости, которые проникали во все сферы жизни, уродуя человеческие души и лишая Россию надежд на будущее.

Ещё одна важная тема писем Чехова – восторг, который вызывает у писателя природа Приамурья. Из письма родным: «Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить. <...> Проплыл я уже по Амuru 1000 вёрст и видел миллион роскошнейших пейзажей; голова кружится от восторга». Из письма А.С. Суворину: «Амур очень хорошая река; я получил от него больше, чем мог ожидать <...>. Право, столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно».

Путешествие Чехова по Приамурскому краю, его остановка в Благовещенске – события, которые имели важное значение для писателя, так как существенно влияли на формирование его мировоззренческих представлений.

Литература

1. Кобзарь В.П. Доктор Чехов в Благовещенске // Приамурье – 2012: Литературно-художественный альманах. № 10 (28). Благовещенск: Амур. обл. общ. писат. орг.; Изд. компания «РИО», 2012. С. 424–430.
2. Лосев А.В. «Первый амурский поэт»: Очерк жизни и творчества Л.П. Волкова / Публ. и коммент. А.В. Урманова // Амур: Литературно-художественный альманах. № 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 31–47.
3. Сочинения Л.П. Волкова. (Посмертное издание). Хабаровск, 1902. 279 с.
4. Федотова О.Ф. «Я в Амур влюблён...»: [О пребывании А.П. Чехова в Благовещенске] // Старая мельница: Приложение к газете «Амурская правда». 1998. № 14. С. 3.
5. Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых записок) // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 14–15. М.: Наука, 1987. С. 39–372.
6. Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 4. М.: Наука, 1975. С.123–128.